

Е. О. Старовойтова

Китай в российской сатирической прессе времен Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Русско-японская война 1904–1905 гг. за контроль над Маньчжурией, Кореей и размещавшимися на территории современного Китая портами Порт-Артур и Дальний стала одним из наиболее трагических событий в истории царской России в XX в. Граф С. Ю. Витте назвал эти события «несчастнейшей из несчастнейших войн... [которая] все более и более возбуждала в различных направлениях, во всех случаях, неблагоприятных для существующего режима, все слои русского населения»¹.

С середины 1890-х гг. Дальний Восток стал одним из основных центров активности российской дипломатии. Успехи царской России на данном направлении привели к развитию агрессии со стороны активно модернизирующейся и постепенно вступившей на путь экспансии Японии. Участие России в подавлении Боксерского восстания в Китае привело к ухудшению двусторонних отношений и ослаблению позиций России в регионе. Вместе с тем, в преддверии революционных событий 1905 г. возрастал внутренний кризис в Российской империи. В этой связи царское правительство пошло на обострение отношений со все более активной на Дальнем Востоке Японией, не видя в ней серьезного противника. Например, сотрудник университета иностранных языков Народно-освободительной армии Китая Пэн Япин утверждает, что в царской России в годы, предшествующие войне, разведке не уделялось должного внимания, что в итоге сказалось на боеспособности российской армии². В свою очередь, в Японии велась всесторонняя подготовка к вооруженному противостоянию с царской Россией, в том

**Старовойтова Елена
Олеговна**
ассистент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

числе активная работа по изучению всех сторон жизни российского общества — особенностей системы государственного управления, экономики и финансов, образования, внутренней и внешней политики³. Состоявшиеся летом 1903 г. русско-японские переговоры о Маньчжурии и Корее не смогли воспрепятствовать чаяниям военных с обеих сторон. По этому поводу Витте писал: «Он (посол Японии в России в 1901–1904 г. Курино Синъинтиро. — Е. С.) мне и графу Ламсдорфу в июле месяце 1903 г., за месяц до моего ухода с поста министра финансов, представил проект нашего соглашения между Японией и Россией относительно дальневосточных дел, который, если бы был принят, устранил бы разрешение дальневосточного дела посредством войны»⁴. Дипломатам не удалось добиться мирного разрешения противоречий между сторонами, и 6 февраля 1904 г. посол Японии вручил тогдашнему министру иностранных дел Российской империи графу Владимиру Николаевичу Ламсдорфу ноту о разрыве дипломатических отношений. Вечером 8 февраля 1904 г. японский флот без объявления войны произвел атаку на российскую эскадру, размещавшуюся в Порт-Артуре, что стало фактическим началом военных действий.

В результате непродолжительных, но кровопролитных военных действий, продлившихся до 5 сентября 1905 г., Русско-японская война вошла в историю как первый крупный конфликт XX в. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, согласно данным различных исследователей, приводимым в специальной монографии Б. В. Соколова, потери русской стороны убитыми и ранеными составили от 60 до 90 с лишним тыс. человек. Япония потеряла убитыми и ранеными чуть менее 90 тыс. человек⁵. В ходе данного конфликта стороны впервые прибегли к широкомасштабному использованию пулеметов, минометов, ручных гранат, радиотелеграфа, морских мин и других средств ведения боя, популярных в следующих войнах XX в.

Согласно положениям мирного договора, заключенного представителями царской России и Японии в Портсмуте 5 сентября 1905 г., Россия отказалась от значительной части своих притязаний на Дальнем Востоке, признав Корею сферой японского влияния, а также уступив Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть Южно-Маньчжурской железной дороги от Порт-Артура до Куаньчэнцзы. С этого времени характерной особенностью дальневосточной политики Российской империи стала ее зависимость от бывшего противника — Японии. Автор предложений по добровольному присоединению к России Монголии, Китая и Тибета П. А. Бадмаев так объяснял сложившуюся ситуацию: «Представители правительства вследствие полного незнакомства с Дальним Востоком не умели воспользоваться взглядами и советами знатоков Востока. Теперь только стало известно всем, что маленькая Япония опередила нас армией и флотом, своей разведочной службой, агитацией в Восточной Азии, Европе и Америке, знанием нашего внутреннего строя и что мы далеко отстали от нее в проявлении энергии и правильной деятельности»⁶.

Многие исследователи подчеркивают особое значение этого, казалось бы, локального двухстороннего военного конфликта для мировой истории. Так, московский историк Т. А. Филиппова утверждает, что «с началом военного кон-

фликта на Дальнем Востоке мир вступает в войну особого рода и масштаба»⁷. В свою очередь, авторы коллективного труда, посвященного истории рассматриваемых событий, даже полагают, что «этот конфликт, разумеется, означал, что любая система глобального порядка, которая могла существовать на рубеже двадцатого столетия, была подорвана»⁸, называя эти события «мировой войной номер ноль».

Об особом значении данного военного конфликта говорит и тот факт, что в Японии, ставшей одной из ведущих держав Дальневосточного региона, вплоть до поражения во Второй мировой войне День сухопутных войск отмечали 10 марта — в день победы японских сил под Мукденом, а дата их победы в Цусимском сражении — 27 мая — стала Днем Военно-морских сил.

Помимо того влияния, которое война оказала на внутривосточное положение дел в Российской империи, она также спровоцировала рост антиазиатских настроений в обществе и популяризацию концепции «желтой опасности». Как отмечает в своем диссертационном сочинении Я. С. Гузей, «65 из 84 публикаций, непосредственно посвященных этой теме («желтой опасности». — Е. С.)... были написаны в период с 1904 по 1905 г.»⁹. Автор также отметила, что одной из мер, предпринятых русскими властями в начале военных действий, стала кампания по высылке японцев с территории Дальневосточного наместничества в центральную часть страны, развернутая в первые месяцы 1904 г., в ходе которой довольно ярко проявилось «неоднозначное понимание выражения “вражеские подданные”»: она сопровождалась активной высылкой не только японцев, но также китайцев и корейцев. Не только внешняя схожесть китайцев и корейцев с японцами, но и приписываемое им единство расы заставляло российское общество воспринимать их в качестве потенциально опасных, способных оказывать содействие японцам»¹⁰. Однако в целом, как заключают современные исследователи, к началу военных действий большая часть населения Российской империи вообще плохо себе представляла, где находится театр военных действий, что из себя представляют Япония и Китай. В связи с этим в народе стали очень популярны копеечные иллюстрированные брошюры, рассказывающие об особенностях восточных соседей России, а также о причинах возникшего конфликта.

По мере развития конфликта и потерь русской армии и флота, среди которых одной из наиболее трагичных стала потеря в самом начале военных действий, 13 апреля 1904 г., флагманского броненосца «Петропавловск» и гибель командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала С. О. Макарова, возрастало и внимание общественности к происходящим на Дальнем Востоке событиям. Основным источником поступающей информации для широких масс населения была прежде всего национальная периодическая печать. Стоит отметить, что со второй половины XIX в. в русских печатных изданиях стало появляться все большее количество различных сведений о Китае, Японии, Корее, доступных теперь не только специалистам, но самому широкому кругу читателей. Огромной популярностью пользовались разнообразные сатирические политические журналы с карикатурными изображениями, в которых в ироничной форме описывались нравы российского общества и других народов,

а также трактовались те или иные международные события. Естественно, представители этого жанра журналистики не могли обойти своим вниманием русско-японское военное противостояние, хотя, как отметила Ю. Г. Благодер, российские газеты в те годы не имели своих представительств в Китае и Японии и пользовались в основном информацией иностранных информационных агентств¹¹.

Наиболее часто сюжеты, связанные с этими событиями, встречаются в журнале демократической направленности «Будильник», издание которого началось в 1865 г. в Петербурге и переместилось в Москву в 1873 г., где продолжалось вплоть до 1917 г.; а также в сатирическом журнале либерального направления «Стрекоза», выходившем в Петербурге с 1875 по 1908 г. Что касается Китая, то он стал постоянным героем этих изданий еще со времени китайско-японской войны 1894–1895 гг. Уже тогда на их страницах стал формироваться особый, узнаваемый визуальный образ дальневосточного соседа царской России. В годы Боксерского восстания, в подавлении которого Россия принимала активное участие, этот образ получил свое дальнейшее развитие. Русско-японская война заняла особое место в формировании в России образа Востока в целом и Китая в частности. Упоминания о военных действиях на дальневосточных фронтах встречаются практически в каждом номере «Будильника» и «Стрекозы» за 1904–1905 гг. Естественно, основным «злом» для авторов-современников являлась Япония, изображаемая в крайне неприглядных формах. Однако Китай также не оставался без внимания, тем более что военные действия частично проходили на его территории.

В этой связи крайне интересно проследить за тем, каким виделся Китай представителям одного из наиболее популярных жанров журналистики тех лет. Ведь сатирическая графика, благодаря своей злободневности и доступности, очень чутко улавливала настроения, царившие в государстве и обществе, а значит, могла оказывать на них определенное влияние. Это важно учитывать, так как, по отзывам современников, от общественных настроений порой зависели принимаемые на высоком уровне решения. Так, по словам С. Ю. Витте, военный министр А. Н. Куропаткин был назначен 8 февраля 1904 г. командующим русской армией «не по инициативе его величества, и даже вопреки симпатиям его величества, — исключительно по единогласному желанию общественного мнения, насколько оно выражалось в газетах»¹². Иными словами, обращение к карикатурным изображениям тех лет как к визуальному историческому источнику поможет более четко выявить, как российское общество и государство оценивали Китай и его роль в происходящих событиях.

Уже в первом номере журнала «Стрекоза» за 1904 г. было размещено довольно интересное изображение. На картинке мы видим китайца и японца, выполняющих роль конферансье в театре на фоне занавеса с эмблемой «1904». Китаец изображен в традиционном чиновничьем наряде. Внешне он напоминает уже почившего к тому времени, но хорошо узнаваемого читателями знаменитого китайского сановника Ли Хунчжана. Справа от него стоит японец во фраке и пенсне, похожий на правившего в Японии императора Муцухито. Костюмы этих персонажей демонстрируют точку зрения художника, характерную

для российского общества тех лет, согласно которой Китай виделся как оплот традиционализма и косности, а Япония уже успела в некоей степени «цивилизаторяться». Однако примечательно, что за счет головного убора китаец кажется немного выше японца ростом — а значит, обладает неким превосходством (намек, в частности, и на размеры государств). Вообще, весь образ китайца вызывает больше уважения. Текст, предназначенный для внимательно слушающей аудитории, также читает представитель Срединной империи. Ведущих с интересом слушают зрители — представители Австрии, Турции, Америки, Германии, Англии, Франции. России в зрительном зале нет, что интересно. Автор сатирической подписи задается вопросом: «Что-то только, братцы, будет впереди?!» Рисунок явно говорит о том, что Китаю и Японии предстоит сыграть крайне важную роль в мировой политике в только что наступившем году. При этом Китай, хоть и является более взрослым и мудрым, в данной ситуации лишь «озвучивает» идеи наглого и самодовольного японца. Отсутствие России, по всей видимости, означает, что страна не готова внимать речам азиатских соседей, т. е. не доверяет им и будет проводить самостоятельную и независимую внешнюю политику, хотя уже в начале 1904 г. было очевидно, что конфликта с Японией России вряд ли удастся избежать. Такая трактовка могла появиться, в частности, и потому, что на начальных этапах войны и некоторое время после ее окончания для общественной мысли России было характерно возложение ответственности за происходящее лишь на японскую сторону.

Постепенно, с началом военных действий, отношение к Китаю и его роли в происходящих событиях стало меняться. В начале 1904 г. на страницах сатирических политических журналов выражалась некая надежда на то, что пускай ослабленный и несовременный, но по-прежнему огромный, Китай будет противостоять Японии, отказавшись ее поддержать и сохранив нейтралитет. Можно предположить, что подобные настроения были свойственны широким кругам российской общественности. Еще в 1897 г. в своем донесении с описанием бухт Ляодунского полуострова российский вице-консул в Чифу А. Н. Тимченко-Островерхов писал следующее: «Китайские власти были и здесь чрезвычайно любезны. На прощание один из китайских офицеров, капитан Ли, к которому был послан с визитом офицер с “Отважного”, сказал ему за бокалом шампанского: “Мы с вами теперь должны быть особенно дружны, так как все равно у нас с Россией скоро будет один Государь”. Этот тост, по мнению нашего вице-консула, хорошо обрисовывает настроение, господствующее ныне в некоторых кругах Китая»¹³. С другой стороны, как отметила специалист по формированию образа врага в русской сатирической графике начала XX в. Т. А. Филиппова: «Агрессивное поведение Японии в регионе, ее стремление использовать Китай как плацдарм давления на Россию заставляют сатириков усомниться в “нейтралитете” Поднебесной в разразившейся войне»¹⁴.

Китайские же авторы в целом придерживаются единой точки зрения, согласно которой Россия и Япония соперничали за китайские территории, что шло вразрез с национальными интересами Цинской империи. Например, профессор факультета истории и культуры Пекинского педагогического университета Цюань Хэсю подчеркивает, что уже 13 февраля 1904 г. представители

Передъ началомъ новой пьесы.

Занавѣсъ не поднять. Новая пьеса
 Всѣхъ интересуешь... Замерьъ вдохъ въ груди...
 Что отъ насъ скрываетъ яркая завѣса?
 Что-то только, братцы, будетъ впереди?

Ждетъ событийъ важныхъ міръ, на все готовый,
 Ждемъ мы дней счастливыхъ—будутъ или нѣтъ?
 Дай лишь только Боже, что-бы годъ намъ, новый
 Не явилъ собою жалкій «Пустоцветъ».

Зуль.

Перед началом новой пьесы.

Источник: Стрекоза. 1904. № 1. С. 3

Меблированные комнаты «Китай».
Источник: Будильник. 1904. № 25. С. 2

внешнеполитического ведомства Цин направили ноту правительствам Японии и России, а также другим Великим державам, в которой говорилось о том, что территориальный суверенитет над землями трех северо-восточных провинций принадлежит Китаю, а города, правительственные учреждения и имущество населения этого региона не должны быть серьезно повреждены ни одной из сторон¹⁵. Так, например, на одной из карикатур первых дней военных событий Китай представлен в виде хитрого, но умного мандарина, который не соглашается предоставить «меблированные комнаты» «опасному квартиранту» японцу — небритому, согбенному, оставшемуся даже без штанов. Мандарин напоминает: «Уж ты раз «нагрел» меня!..», подразумевая события китайско-японской войны 1894–1895 гг., а значит, можно продолжить фразу — я не стану тебе помогать. На рисунке нет других персонажей, в том числе имеющих

КАРАЕМАЯ АЛЧНОСТЬ.

Манджурия.—Змѣя ехидная, ты еще Корею не „переварила“, а вздумала меня проглотить; но мною, алчная, скоро подавишься!..

Караемая алчность.

Источник: Будильник. 1904. № 28. С. 7

прямое отношение к происходящим событиям в России. На наш взгляд, это может означать, что журналисты тех лет признавали способность Китая проводить собственную политику, умело лавируя между питающими к нему те или иные притязания державами.

В то же время являющаяся сферой российских стратегических интересов Маньчжурия предстает в виде мощной и вызывающей симпатию коровы, которая не готова покориться «ехидной» японской змее: «Мною, алчная, скоро подавишься!» Аналогия с коровой вызывает особый интерес, ведь в культуре многих народов это животное является символом изобилия и благосостояния, а также терпения и выносливости. Однако корова — это домашнее животное, а значит, ей требуется «опека», обеспечить которую, очевидно, способен не каждый. Япония же представляет собой не мудрого змея, но змея убивающего,

Соблазнитель.

Источник: Будильник. 1904. № 40. С. 1

т. е. существо, символизирующее смерть и уничтожение. Одним словом, Маньчжурия — это изобильная и плодородная земля. Посягательства же Японии на эту землю являются абсолютно нелегитимными, так как она не способна правильно управлять ей, но принесет лишь разруху и опустошение.

На другом изображении из того же издания обыгрывается сюжет с попытками Японии склонить на свою сторону в борьбе против России представителей

СЦЕНА ВЪ ЧИФУ.

— Ого, какъ тебѣ, япоша, щеку-то вздуло! Впрочемъ, это высшая награда за геройское... нахальство!

Сцена в Чифу.

Источник: Стрекоза. 1904. № 34. С. 3

движения ихэтуаней, или боксеров. «Секта боксеров» представлена в виде японской гейши — намек на заграничное финансирование этого протестного движения. Гейша — символ продажности боксеров, которые действуют вразрез с интересами самого Китая. Хитрая гейша предупреждает японского военного, что в случае их союза им обоим может «достаться», если их «поймает» бабушка Европа, мирно отдыхающая в своем кресле на заднем плане. Примечательно, что Россия вновь как бы находится за пределами данного изображения. Это вполне коррелирует с тем, как русские карикатуристы изображали взаимоотношения России, Китая и иных держав в годы подавления Боксерского восстания¹⁶.

Как и высшее руководство Российской империи, русские художники-карикатуристы явно рассчитывали на то, что официальный Китай ни в коем случае не будет поддерживать японскую военщину. Так, на очередном изображении видим, как крупный, внушающий уважение, китайский мандарин с надписью «Чифу» на кафтане гонит и ругает кривляющегося японского военного моряка с раздутой от удара щекой верхом на кораблике, напоминающем детскую игрушку. Подпись к картинке гласит: «Ого! Как тебе, япоша, щеку-то вздуло! Впрочем, это высшая награда за геройское... нахальство!» Художник вновь под-

черкивает способность Китая проводить собственную политику, независимую от третьих сил.

Интерес представляет также изображение, размещенное в очередном номере «Стрекозы» за 1904 г. В левой части разворота изображен высокий китаец, снова в традиционном облачении, смотрящий сверху вниз на приземистого японца в военной форме и шинели западного образца. Японец хвастается своими «славными победами», на что китаец задает вопрос: «А зачем же ваши войска, не дождавшись конца сражения, побежали?» Справа японец в традиционном платье с заискивающим видом держит зонтик от солнца над головой китайского мандарина, который снова гораздо крупней и выше. На их фоне — пеший японский военный и конный китайский. Китаец выражает озабоченность по поводу недостаточного количества кавалерии у Японии. Позы и диалоги персонажей говорят о том, что симпатии автора находятся, скорее, на стороне Китая — он как бы подсмеивается над нерадивым соседом.

Действительно, после отступления русской армии из Мукдена зона боевых действий существенно расширилась, в результате чего японскому командованию стало недоставать мобилизационных ресурсов. Для японцев всерьез возник вопрос о привлечении на свою сторону китайских вооруженных сил. Несмотря на надежды российской власти и общественности, стремясь гарантировать свои интересы в Маньчжурии, китайское правительство сквозь пальцы смотрело на то, что с 1905 г. подразделения китайской армии все чаще воевали на стороне японцев против России¹⁷. В целом современные российские авторы говорят о том, что рядовые жители Срединного государства чаще оказывали поддержку именно японцам. Это могло быть обусловлено, в частности, культурными различиями с русскими военными, языковым барьером, а также опасениями за свою жизнь и здоровье, в связи с крайне жестоким отношением со стороны японцев — ведь кара могла настичь китайца за любую, даже малейшую провинность. Тем не менее на изображении, датированном маем 1905 г., все еще подчеркивается нежелание официального Китая нарушать принципы нейтралитета. На рисунке вновь изображены китайский император Гуансюй и японский — Муцухито. Они сидят вдвоем за столом. Японец разрезает ножом с надписью «Нарушение» пирог под названием «Нейтралитет». Китаец явно удивлен и даже возмущен, его поза демонстрирует желание отстраниться от действий японца, на что последний обзывает его «трусом» и заставляет замолчать. Изображение помещено на обложку журнала, что говорит о высокой значимости описываемых событий для издателей, а значит, о высоком интересе к ним со стороны общественности. Согласно точке зрения художника, Япония заставляет Китай нарушать принципы нейтралитета, хотя сам он этому противится. Здесь, в частности, присутствует явный намек на характер взаимоотношений России и Китая, которые, согласно официальным трактовкам, всегда строились в соответствии с нормами международного права и дипломатии. Предполагалось, очевидно, что Китай не посмеет поступиться этими принципами.

Но история распорядилась иначе, и в 1905 г. Япония официально предложила цинскому правительству занять вооруженными силами Китая часть

Наброски к

Японец. Слышать о вашей последней сла-
вной победе?

Китаец. А зачем же наши войска, не
дождавшись конца сражения, побжали?

Японец. Это чтобы скорее начальству до-
ложить о своей победе.

Наброски корреспондента.

Источник: Стрекоза. 1904. № 11. С. 8-9

Корреспондента.

Китаец. Боюсь я за тебя, открыто сказать.
Японец. Почему?

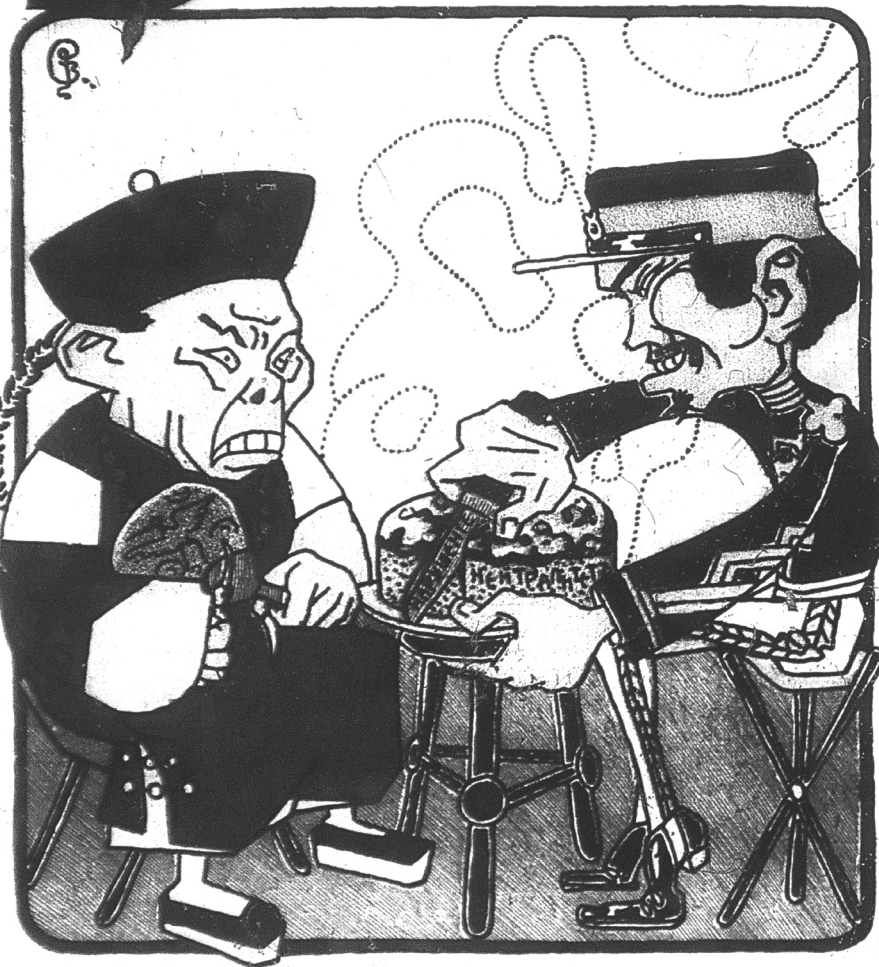
Китаец. Потому что у тебя кавалерии мало.

Японец. Чудакъ ты! да зачѣмъ намъ кавалерія, когда наши храбрые солдаты, такъ скоро бѣгаютъ, что ихъ русскимъ казакамъ не догнать!...

Дружеская беседа.

(Къ нарушенію японцами нейтралитета
въ Синьминтинь).

Китай.—Что ты дѣлаешь?! Это—нейтралитетъ!

Японія.—Молчи, трусь ты этакій! Нейтралитетъ—такое блюдо, съ которымъ нечего перемониться и которое слѣдуетъ нарушать, если это пріятно твоему аппетиту!

Дружеская беседа.

Источник: Будильник. 1905. № 9. С. 1

Маньчжурии, обеспечив необходимую поддержку японской армии. Китай согласился, надеясь после окончания боевых действий вернуть себе суверенитет над Маньчжурией. Естественно, этот шаг Китая вызвал недовольство со стороны России, ведь фактически Китай вступал в войну на стороне Японии¹⁸.

Китайско-японский союз.

— Какое еще там международное право! У нас свое собственное право!

Китайско-японский союз.

Источник: Стрекоза. 1905. № 11. С. 3

Так, на наброске из «Стрекозы» от 1905 г. видим, как не вызывающие симпатии толстый китайский мандарин и японский военный, одного роста, держа друг друга под руку, вместе топчут разорванные бумаги с надписями «Нейтралитет» и «Международное право»: «У нас свое собственное право!»

Примечательно, на наш взгляд, что авторы сатирических изданий тех лет делали акцент на традиционной черте российской внешней политики по апеллированию к нормам международного права. Как верно подметил И. А. Фролов, для русской общественной мысли начала XX в. в целом было крайне характерно «стремление авторов найти причину войны в провокациях и подстрекательстве других стран...»¹⁹ Россия представлялась стороной, которая была вынуждена бороться с последствиями конфликтов, развязанных третьими силами. Китай

ВЪ КИТАЪ.

Китайскій драконъ. Усъкайте, усъкайте, друзья мои, на здоровье, но я лучше немножко подожду, чтобы ужъ со все́ми вами за одно расправиться!

В Китае.

Источник: Стрекоза. 1905. № 19. С. 6.

изображался чаще всего в виде жертвы, неспособной самостоятельно за себя постоять, либо в виде некоего спящего «чудища», в котором сокрыт крайне опасный потенциал. Попытки расшевелить это «чудище» не будут сулить ничего хорошего тем, кто будет их осуществлять. Так, на очередной карикатуре времен Русско-японской войны мы можем наблюдать, как Дядя Сэм и Джон Буль глядят и уговаривают полудракона-полукрокодила по имени Китай, пытаясь «науськать» его на корабли российского флота. На что дракон хитро заявляет, что со временем расправится «со всеми вами заодно». По замыслу автора, дракон хоть и хитер, но достаточно благоразумен, чтобы не купиться на провокации третьих стран. Таким образом, Китай вызывает у российских журналистов одновременно опасения, но в то же время и уважение, благодаря своей мудрости и независимости.

Однако в целом русская общественная мысль рубежа XIX–XX вв. не считала Китай полноправным участником международных отношений, способным «на равных» участвовать в общении с державами. На то были свои исторические причины, как, например, абсолютно провальные для Китая переговоры по поводу «Заключительного протокола» по итогам восстания ихэтуаней в сентябре 1901 г. В ходе подписания Портсмутского мирного договора между Рос-

Не везет!

— Да что-же это, наконец, такое, миллионы драконов! Меня и теперь слушать никто не хочет! Уж точно то, что меня прямо касается, вовсе меня и не касается!

Не везет!

Источник: Стрекоза. 1905. № 30. С. 1

сией и Японией сатирическая пресса вновь продемонстрировала отношение к Китаю как к стороне, оставшейся не у дел, несмотря на то, что условия мира касались непосредственно его территорий. На одном из подобных изображений видим плачущего китайского мандарина преклонных лет, который даже не может попасть в зал переговоров о мире, так как его не пускает клинок с надписью «Японец». Мандарин сетует: «Меня и теперь слушать никто не хочет! Уж точно то, что меня прямо касается, вовсе меня и не касается!»

Пострадавший.

Китаец. — Однако, меня порядочно-таки пострепали! Интересно, что-то за это на мою долю придется!

Пострадавший.

Источник: Стрекоза 1905. № 37. С. 7

На другом рисунке того же периода — китайский мандарин в изорванном платье изображен на фоне разрушенных строений. Он выглядит грустным и задумчивым, и задается вопросом, будут ли ему хоть как-то компенсированы последствия военных действий на его территории.

Примечательно, что на обоих рисунках Россия как бы вновь остается за кадром. На наш взгляд, это могло быть связано с нежеланием авторов навредить образу самой царской России, возложив на нее ответственность за ущерб, нанесенный Китаю, а также стремлением «отвлечь» читателя от итогов войны, завершившейся для России тяжелыми потерями и подписанием крайне невыгодного мира. Так или иначе, все представленные выше изображения лишний раз подтверждают, что отношение к Китаю в российской общественной мысли

конца XIX — начала XX в. не было однозначным. С одной стороны, Китай очень отличается от России, а порой может представлять для нее определенную угрозу. С другой — Китай прежде всего жертва колониальных притязаний со стороны стран Запада и Японии, а миссия России в том, чтобы его защитить и восстановить вселенскую справедливость. Недаром судьбы Китая не на шутку волновали русских военных мыслителей рубежа XIX–XX столетий²⁰. Подобное отношение повлияло и на авторов политической сатиры, которые обратили свое внимание на Китай еще в период китайско-японской войны 1894–1895 гг. Уже тогда на страницах популярных журналов появился неповторимый визуальный образ восточного соседа, при этом художники-карикатуристы были довольно хорошо осведомлены о деталях традиционного китайского костюма, способах написания китайских имен и названий и т. д., что свидетельствует об их неподдельном интересе к китайской культуре.

Но, конечно же, наибольший интерес у авторов и читателей тех лет, как и сегодня, вызывала роль, которую играл Китай в политике Российской империи на Дальнем Востоке. В годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. этот образ усовершенствовался, но в то же время так и не стал образом врага. И хотя после 1905 г. и до Синьхайской революции Россия и Китай не заключили практически ни одного официального соглашения, если не учитывать различных протоколов Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)²¹, было бы ошибочным полагать, будто две страны, имеющие столь протяженную общую границу, могли полностью изолироваться друг от друга. Именно в конце XIX — начале XX в., как отмечает Н. А. Самойлов, начался период активного социокультурного взаимодействия двух стран, что было связано с появлением новых коммуникативных каналов, таких как приграничная зона и линия КВЖД с центром в г. Харбин, а также городов Порт-Артур и Дальний²². Несмотря на негативные в целом оценки как политики царской России в Китае, так и Русско-японской войны 1904–1905 гг. у большинства китайских авторов, они также говорят о том, что этот конфликт способствовал сплочению представителей разных национальностей Среднего государства перед лицом империалистических держав²³. Не стоит забывать и о той роли, которую оказали на развитие общественной мысли в Китае революционные события в России 1905 г.

¹ *Vumte С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. Л., 1924. Т. 1. С. 312.

² См.: *Пэн Япин.* Размышления об уроках подготовки разведки царской России к войне (日俄战争中沙俄战前情报准备教训反思) // Цзюньши лиши (军事历史). 2015. № 2. С. 40–43. (На кит. яз.)

³ См.: *Авилов Р. С.* «Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 4. С. 875–891.

⁴ Там же. С. 238.

⁵ См.: *Соколов Б. В.* СССР и Россия на бойне: людские потери в войнах XX века. М., 2013. С. 7–10.

⁶ *Бадмаев П. А.* Россия и Китай. СПб., 1905. С. 15.

⁷ *Филиппова Т. А.* «Враг с Востока»: образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012. С. 44.

⁸ *The Russo-Japanese war in global perspective: World War Zero / ed. by John W. Steinberg.* Leiden; Boston, 2005. С. 1.

⁹ *Гузей Я. С.* «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX — начале XX в.: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ См.: *Благодер Ю. Г.* Трагический 1905 год на страницах газеты «Кубанские областные ведомости»: сражения в Китае и революция в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 60–70.

¹² *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 240.

¹³ Из истории Русско-японской войны, 1904–1905 г. Т. 1: Порт-Артур / под ред. В. П. Козлова. М., 2008. С. 30.

¹⁴ *Филиппова Т. А.* Образ китайца и Китая в русской журнальной сатире начала XX века. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/obraz-kitajtsa-i-kitaya-v-russkoj-zhurnalnoj-satire-nachala-khkh-veka.html> (дата обращения: 04.03.2021).

¹⁵ *Цюань Хэю.* Влияние Русско-японской войны на современные китайско-корейские отношения (日俄战争对近代中韩关系的影响) // Цзиньдайши яньцзю (近代史研究). 2005. № 6. С. 112. (На кит. яз.)

¹⁶ См.: *Старовойтова Е. О.* «Мой большой кулак еще при мне!»: Боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 81–97.

¹⁷ См.: *Куценко Б. О.* Влияние Китая на события Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 8. С. 93–98.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ *Фролов И. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. в отечественной историографии 1904–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 38.

²⁰ См.: *Ходяков М. В.* Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 880–897.

²¹ См.: *Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 583–597.

²² См.: *Самойлов Н. А.* 1) Россия и Китай в XVIII — начале XX века: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. Вып. 2. С. 11; 2) Российские планы организации управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 144–150.

²³ См.: *Гуань Цзе.* Русско-японская война и Китай (日俄战争与中国) // Далянь миньцзю сюэюань сюэбао (大连民族学院学报). 2004. № 6 (6). С. 38–43. (На кит. яз.)

Статья поступила в печать 4 марта 2021 г.

Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Старовойтова Е. О. Китай в российской сатирической прессе времен Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 1023–1044.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.412>

УДК 93/94

Аннотация: Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и заключение Портсмутского мирного договора кардинально изменили расстановку сил на Дальнем Востоке, нанеся значительный урон имиджу Российской империи на международной арене и негативно отразившись на русско-китайских отношениях. История упомянутых событий подробно освещена как отечественными, так и зарубежными учеными и публицистами. Однако за пределами внимания специалистов по русско-китайским отношениям остался пласт источников, позволяющих взглянуть на хорошо известные события под

иным углом. Такими источниками могут стать русские сатирические периодические издания рубежа XIX–XX вв., ведь именно в этот период в русской печати стало появляться все больше разнообразных сведений о Китае, доступных самому широкому кругу читателей. Вместе с ростом числа упоминаний о Китае у авторов и читателей неизбежно начал формироваться уникальный и иногда противоречивый образ восточного соседа. Этот образ, с одной стороны, был непосредственно связан с текущими событиями в политике и международных отношениях, а с другой — мог сам оказывать определенное влияние на отношения двух империй на различных уровнях. Русско-японская война заняла особое место в формировании в России образа Востока в целом и Китая в частности. Упоминания о военных действиях на дальневосточных фронтах встречаются практически в каждом номере популярных в те годы сатирических журналов «Будильник» и «Стрекоза» за 1904–1905 гг. Естественно, основным «злом» для авторов-современников являлась Япония, изображаемая в крайне неприглядных формах. Однако Китай также не оставался без внимания, тем более что военные действия частично проходили на его территории. Статья посвящена тому, каким виделся Китай представителям одного из наиболее популярных жанров журналистики тех лет.

Ключевые слова: Россия, Япония, Китай, война, карикатура, пресса, газеты.

Сведения об авторе: Старовойтова Е. О. — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); e.starovoytova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Starovoytova E. O. 'China in the Russian Satirical Press During the Russo-Japanese War of 1904–1905', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 1023–1044. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.412> (In Russian)

Abstract: Russia's defeat in the Russo-Japanese War of 1904–1905 and the Portsmouth Peace Treaty radically changed the balance of power in the Far East. It caused considerable damage to the image of the Russian Empire in the international arena and had a negative impact on Sino-Russian relations. However, one set of sources allows us to look at the well-known events from a different angle, and this has remained outside the attention of specialists in Sino-Russian relations. Russian satirical periodicals at the turn of the 20th century can serve as such a source, for it was during this period that more information about China became available to a wide range of readers in the Russian press. Along with the growing number of references to China, authors and readers inevitably began to form a unique and sometimes contradictory image of the eastern neighbor. This image, on the one hand, was directly related to current events in politics and international relations, and on the other could itself have a certain influence on the relations of the two empires at various levels. The Russo-Japanese War occupied a special place in the formation of Russia's image of the East, in general, and of China, in particular. References to military operations on the Far Eastern fronts are found in virtually every issue of the 1904–1905 satirical magazines *Budil'nik* and *Strekoza*, which were popular at the time. Of course, the main "evil" for contemporaries was Japan, portrayed in extremely unsightly forms. However, China was not ignored either, especially since military actions partly took place on its territory. This article explores how China was seen by representatives of one of the most popular journalistic genres of those years.

Keywords: Russia, Japan, China, war, caricature, press, newspapers.

Author: Starovoytova E. O. — Assistant Lecturer, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e.starovoytova@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

Avilov R. S. "'Pure Nonsense!' War Minister A. N. Kuropatkin about the Proceedings of Japanese Nationalists", *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.404> (In Russian)

- Badmaev P. A. *Russia and China* (St. Petersburg, 1905). (In Russian)
- Battles in China and the Revolution in Russia', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 24, no. 4, 2019. (In Russian)
- Blagoder Yu. G. 'Tragic 1905 on the Pages of "Kubanskiye Oblastnyye Vedomosti" Newspaper', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 24, no. 4, 2019. (In Russian)
- Filippova T. A. *Enemy from the East. Images and Rhetoric of Enemy in Early 20th Century Russian Satirical Journalism* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Frolov I. A. *The Russo-Japanese War of 1904–1905 in the Russian Historiography 1904–1917* (Moscow, 2018). (In Russian)
- From the History of the Russo-Japanese War, 1904–1905*, Vol. 1: *Port-Arthur*, ed. by V. P. Kozlov (Moscow, 2008). (In Russian)
- Guan Jie. 'Russo-Japanese War and China', *Journal of Dalian Nationalities University*, vol. 6, no. 6, 2004. (In Chinese)
- Guzey Ya. S. *"The Yellow Peril": Perceptions of a Threat from the East in the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Khodjakov M. V. "'Yellow Russia" of the late XIX — early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.406> (In Russian)
- Kutsenko B. O. 'China's Influence on the Course of the Russian-Japanese War of 1904–1905', *Manuscript*, vol. 13, iss. 8, 2020. (In Russian)
- Peng Yaping. 'Deliberation on the Lessons of Tsarist Russia's Intelligence Work before the Russo-Japanese War', *Military History*, vol. 2, 2015. (In Chinese)
- Quan Hexiu. 'The Impact of the Russo-Japanese War on Sino-Korean Relations', *Modern Chinese History Studies*, no. 6, 2005. (In Chinese)
- Samoylov N. A. 'Russia and China in the 18th and early 20th Centuries: Trends of Interaction and Mutual Influence', *Vestnik of Saint Petersburg University, ser. 13: Vostokovedeniie, afrikanistika*, iss. 2, 2010. (In Russian)
- Samoylov N. A. 'Russian plans for organizing the management of the city of Dalny at the turn of the 19th and 20th centuries', *Vestnik of Saint Petersburg University, Istorii*, iss. 4, part 1, 2008. (In Russian)
- Sokolov B. V. *The USSR and Russia at the Slaughterhouse: Human Losses in the Wars of the 20th Century* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Starovoytova E. O. 'Boxer Rebellion in China in Russian Satiric Press in the Beginning of 20th Century', *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.207> (In Russian)
- The Russo-Japanese war in global perspective: World War Zero*, ed. by John W. Steinberg (Leiden — Boston, 2005).
- Witte S. *Memoirs*, vol. 1 (Leningrad, 1924). (In Russian)
- Yanchenko D. G., Starovoytova E. O. 'Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.303> (In Russian)

Received: March 4, 2021

Accepted: September 6, 2021